

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-3-117-128

УДК 141.336:28(560)
"12/21"

Содержание статьи

Информация о статье

*О.В. Розина*¹

Введение
Хаджи Бекташ Вели и
современное состояние обители
ордена Бекташийя
Джалалад-дин Руми: «Береги
жемчуг, а не раковину»
Конья и обитель ордена
Мевлевия: краткая история и
современное состояние
Заключение

Поступила в редакцию: 14.07.2019.
Передана на рецензию: 19.07.2019.
Получена рецензия: 11.08.2019.
Принята в номер: 30.08.2019.

Суфийские ордена Бекташийя и Мевлевия: основатели и современное состояние обителей

Московский государственный областной университет; olgarozina@yandex.ru

В статье на фоне общеисторических событий формирования Сельджукского (Румского) султаната исследуется ранняя история возникновения и последующего развития двух суфийских орденов, центры которых расположены на территории современной Турции – Бекташийя и Мевлевия. Автор обращает внимание на влияние их эпонимов Хаджи Бекташа Вели и Джалаладдина Руми на развитие не только восточной, но и западноевропейской культуры. Религиозная практика этих орденов, а также взгляды их последователей были различны, однако их объединяло стремление к поиску и познанию Божественной истины, воспитание «совершенного человека», сумевшего избавиться от негативных черт своей природы, а также призывы быть свободным от духовных болезней «мира сего». В статье анализируется современное состояние суфийских обителей Хаджи Бекташа в Каппадокии и Джалаладдина Руми в Конье, которые, несмотря на их музейный статус, до сих пор являются местом традиционного паломничества и поклонения их основателям.

Ключевые слова: *ислам, дервиш, суфийские ордена, Хаджи Бекташ, Джалаладдин Руми.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2019-10-3-117-128

UDC 141.336:28(560)
"12/21"

Content of the article

Information about the article

*О.В. Розина*²

Introduction.
Haji Bektash Veli and the current state
of the monastery of the order of
Bektashi.
Jalal al-DIN Rumi: "Take care of the
pearls, not the shell".
Konya and the monastery of the order
of Mevlevi: a brief history and current
state.

Received: 14.07.2019.
Submitted for review: 19.07.2019.
Review received: 11.08.2019.
Accepted for publication: 30.08.2019.

¹ *Ольга Владимировна Розина* – доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ, ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, кандидат исторических наук.

² *Olga Vladimirovna Rozina* – Cand. Sc. (History), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow Region State University.

Conclusion.

Bektashi and Mevlevi Sufi Orders: the Founders and Contemporary Abodes

Moscow Region State University; olgarozina@yandex.ru

In the context of general historical events of the formation of the Seljuk (Rumsky) Sultanate, the author explores the origins and development of the two Sufi orders with the centers located in the territory of modern Turkey – Bektashi and Mevlevi. Attention is drawn to the influence of their eponyms Haji Bektash Veli and Jaleleddin Rumi on the development of both Oriental and West European cultures. The religious practice of these orders, as well as the views of their followers were different. However, they were united by the desire to search for and learn the divine truth, to educate the "perfect man", who would be able to rise above the negative features of his nature and break free of spiritual diseases of "this world". The author analyzes the current state of the Sufi monasteries of Haji Bektashi in Cappadocia and Jalaladdin Rumi in Konya, which, despite their museum status, are still places of traditional pilgrimage and worship of their founders.

Keywords: *Islam, dervish, Sufi orders, Haji Bektash, Jalaladdin Rumi.*

Введение

Суфизм, как любое мистическое религиозное течение, определяется различно: для его приверженцев он предполагает личное общее с Божественным началом, для исследователей – одно из направлений мусульманской философии.

Это происходит, на наш взгляд, в связи с тем, что рациональная научная методология в полной мере неприменима к познанию религии как целостной системы, в которой господствует религиозный метод познания в условиях антиномичности познавательного объекта. Любая религиозная традиция антиномична, то есть в ее базовых понятиях (догматах) зачастую одновременно признаются истинными противоположные утверждения. Для рационального мышления логика религиозного метода кажется противоречивой или парадоксальной, хотя на самом деле она лишь отражает сущность принципиально иного мировоззрения, иного видения мира. По мысли философа Н.А. Бердяева, «религиозная жизнь по существу антиномична, она заключает в себе для разума несовместимые и противоречивые тезисы и таинственно снимает эти противоречия. Антиномичность трансцендентного и имманентного разумно неразрешима и непреодолима; она изживается в религиозном опыте и тем снимается. В высшем озарении снимаются противоположности» [5, с. 276]. Таким образом, познание любой религиозной традиции в полной мере невозможно лишь рациональными методами, оно требует внутреннего «погружения», то есть причастности к ней (религиозной практики). По мысли П.А. Флоренского, необходимо «реальное единение познающего и познаваемого. Это основное и характерное положение всей русской и вообще восточной философии» [16, с. 73].

Суфизм давно привлекает внимание исследователей – как историков, так и философов. Ученые-востоковеды, с «легкой руки» которых в европейские языки вошло само понятие суфизма, рассматривают его как описательный термин для обозначения совокупности верований и религиозной практики, считая его мистической стороной ислама. Но подобное определение не учитывает общественно-социальную и политическую жизнь суфиев, которая весьма активна и в наши дни во многих исламских государствах и на Балканах. Так, в работе В.Х. Акаева, М.Д. Солтамурадова,

В.З. Газиева рассмотрены разные определения суфизма, его догматика и особенности становления. Особое внимание авторы уделяют анализу различных суфийских религиозных практик [2]. В трудах В.Х. Акаева суфизм определяется как часть мусульманской культуры, исследуются его региональные аспекты и отдельные тарикаты (см., например, [3; 4]). Изучаются взгляды последователей и учителей: в раннее время, в более поздней период, и в современности [9, 15; 17]. В ряде работ рассмотрены антропологические и этические аспекты суфизма [8; 11].

Ненаучные источники, в том числе и сами произведения суфиев, обращают внимание на универсализм мистицизма как сердцевину любой религиозной традиции, поэтому находят своих сторонников в разных религиях – и в христианстве, и в иудаизме и в буддизме и т. д. (подробнее в [20, с. 5–14]).

Хаджи Бекташ Вели и современное состояние обители ордена Бекташийя

В данном исследовании обратим внимание не столько на догматические или религиозно-философские аспекты суфизма, познание которых затруднено без духовного проникновения в их сущность, сколько на судьбу их основателей и современное состояние обителей суфийских орденов Бекташийя и Мевлевия, расположенных на территории современной Турции соответственно в Каппадокии и Конье. Эти братства являются двумя из 12 орденов суфиев, сложившихся к XII–XIV вв. в исламском мире и имевших различные «разветвления». Остальные суфийские ордена возникли в Ираке: на юге – рифаия, в центральной части (Багдад) – сухравардия, на северо-западе – халватия, пограничье с Ираном – кадирия, а также в Северной Африке – шазилия, Афганистане и Индии – чиштиа, Средней Азии (Ургенч в Узбекистане) – кубравия и Бухара – накшбандия, Египет (бадавия), Центральная Азия – ясавия. Они возникли под влиянием хорасанской, месопотамской, мавераннахрской и магрибинской мистических традиций.

Хаджи Бекташ Вели – эпоним ордена Бекташийя – считается выходцем из города Нишапур, расположенного в Хорасане – исторической области современного Туркменистана и восточного Ирана – родины Али ибн Муса Аль-Реза («имама Резы») (766–818) – восьмого шиитского имама и прямого потомка пророка Мухаммада; поэта Фирдоуси (935–1020); поэта, философа, математика и астронома Омара Хайяма (1048–1131), чьи философские четверостишья (рубай) используют суфии в процессе обучения, пытаясь постичь внутренние смыслы вещей и явлений.

Дата рождения Бекташа неизвестна, как и точная дата смерти (называются 1270–1271 и 1291–1292 гг.). Основным источником биографических сведений о нем – сочинение Узуна Фирдоуси «Вилайат-наме», написанное на турецком языке в период между 1481 и 1501 г., лишь фрагментарно переведенное на русский язык. Но его содержание во многом легендарно и проверить достоверность сведений не представляется возможным.

Согласно этому сочинению, Хаджи Бекташ был потомком седьмого из двенадцати имамов, считающихся в шиизме прямыми преемниками пророка Мухаммада. Хорасан как место рождения основателя ордена выбран не случайно: житийная турецкая литература XV века часто называет персонажей «святыми из Хорасана», так как здесь было развито мистико-аскетическое движение маламатия, направленное против внешней обрядовости и оказавшее влияние на создание суфийского ордена (тариката) Каландария – бродячих дервишей. В отличие от христианства у них отсутствовала центральная духовная власть, а дервиши не давали обетов безбрачия, послушания и нестяжательства, как монахи, но они вели аскетический образ жизни и могли после странствий возвращаться в обитель (ханаку), вход и выход из которой был максимально облегчен (в отличие от монастыря).

Считается, что Хаджи Бекташ был последователем поэта и одного из первых тюркоязычных суфийских мистиков Ходжи Ахмеда Ясави – основателя тариката (ордена) Ясавия, распространенного среди кочевников Центральной Азии. Однако это преемство скорее духовное, нежели реальное: Ахмед Ясави умер в 1166 году, т. е. еще до рождения Бекташа.

Хаджи Бекташ был весьма образованным человеком своего времени и прекрасно знал математику, физику, философию и литературу. Но главным для него стало изучение и познание суфизма как пути бесконечной любви и служения людям. Со временем Хаджи Бекташ покидает родной Хорасан и отправляется в паломническую поездку. Он посещает Мекку, ряд сирийских городов, путешествует по Персии, Ираку и Аравии.

Суровые испытания жителям Анатолии принес XIII век: здесь разворачивались драматические процессы рождения Османского турецкого государства. Жители страдали от поборов завоевателей, междоусобной борьбы местных правителей за трон, экономической и политической нестабильности. Достоверно известно, что Бекташ, появившись в центральной Турции, возможно, из Мекки, участвовал в восстании против власти Сельджукского (Конийского или Румского) султаната вместе с братом Менташем. После поражения выступления и казни брата он остался в Кыршехире, в деревне Сулуджакарахёюк («деревня семи домов», ныне Хаджибекташ), где основал свой тарикат, и где после кончины был похоронен.

Учение Бекташа реконструируется на основе его изречений, переведенных с турецкого на арабский язык – книга «Малакат». Вся жизнь человека, как считал Хаджи Бекташ, есть бесконечный поиск гармонического единства тела и души, нескончаемо движение в своей любви к Богу, Вселенной и человечеству: «Жар в огне, а не на сковороде, счастье в кафтане, а не в короне, все, чего бы ты ни искал, ищи в себе, потому что это не в Мекке, Иерусалиме и не в паломничестве». Во взглядах Хаджи Бекташа религиоведы находят много заимствований из шиизма (почитание пророка Али), христианства (крещение), отступления от традиционного ислама (например, употребление в ритуальной практике вина), считая это учение в целом синкретическим. Вместе с тем в эпоху рождения нового турецкого государства Хаджи Бекташ выступал за сохранение культурных традиций турецкого народа, его языка, обычаев и верований. Его учение не было фанатичным, оно основывалось на общечеловеческих идеалах и ценностях и по сей день находит своих приверженцев не только на Востоке, но и на Западе. Хаджи Бекташ был сторонником просвещения и распространения современных знаний, поэтому его обитель была одним из культурных центров Каппадокии.

Как утверждает в некоторых исследованиях, Бекташ являлся покровителем янычар, но на самом деле он не участвовал в образовании янычарского войска ни при султанах Мураде I (1362–1389), ни даже при его отце Орхане Гази (1324–1362), так как скончался задолго до этих событий. Вместе с тем, действительно, янычары связывали свое происхождение с традицией почитания Хаджи Бекташа, а с XV века и до роспуска янычарского корпуса в 1826 году все они приписывались к ордену, настоятель которого считался командиром их 99-й роты. После роспуска корпуса янычар был распущен и орден, но он просуществовал в Турции фактически до 1925 года (государственного запрета на любые религиозные ордена после победы кемалистской революции) и действовал подпольно до 80-х гг. XX века.

Исторические вехи создания ордена при Хаджи Бекташе и его наиболее характерные черты в ранний период становления, а также влияние на духовную культуру Османской империи рассматриваются Ю.А. Аверьяновым [1].

Мы же обратим внимание здесь на современное состояние обители Хаджи Бекташа.

Она расположена в маленьком турецком городке Хаджибекташ в центре Каппадокии почти в 40 км от административного центра Невшехира. Дорога туда от Невшехира или Гереме идет по достаточно ровной местности, вдали виднеются силуэты гор, и вдруг перед путником неожиданно вырастает, как будто появившись из сказки, небольшой уютный городок с аккуратными маленькими домиками, покрытыми черепицей. Иностранцев здесь не было видно совсем, хотя в турецкой духовной культуре это место – одна из значимых святынь. По обе стороны от дороги, ведущей к обители дервишей, как обычно, стоят продавцы сувениров и нехитрых поделок, в том числе из оникса, центр добычи и обработки которого находится недалеко от этих мест. Несмотря на большое желание продать свой товар редкому иностранцу, продавцы ведут себя спокойно и несуетливо, неспешно доставая с полок и протягивая покупателю свои изделия. Эта манера торговли не характерна для турок, но, видимо, среди жителей до сих пор немало потомков тех, чьи деды, а может быть, и отцы, придерживались суфийских воззрений.

На видном месте на воротах, ведущих во внутренний двор обители, прикреплена мемориальная табличка. Она свидетельствует о том, что первый президент турецкой республики Мустафа Кемаль паша Ататюрк относился с большим почтением к памяти Хаджи Бекташа и 22 декабря 1919 года посетил это святое для турок место. Каждый год с 16 по 18 августа в Хаджибекташе собираются многочисленные последователи суфизма, чтобы почтить память Учителя.

Первый мемориальный комплекс на месте захоронения Бекташа был построен еще во времена султана Орхана Гази (XIV в.), но затем не раз реконструировался. Ныне обитель состоит из трех дворов, последовательно соединенных друг с другом проходом через ворота, что весьма распространено в турецкой архитектуре (например, по такому же принципу построен Топкапы – султанский дворец в Стамбуле). В ханаке Бекташа есть различные помещения: кухня-трапезная с большим черным котлом – символом общности, комнаты для ночлега, общий зал для ритуалов, хозяйственные помещения, мечеть, фонтан, небольшой сад-розарий с захоронениями известных дервишей. Через беломраморную лестничную площадку, в украшении которой использованы типичные сельджукские мотивы и двуглавые орлы, можно пройти к мавзолею-усыпальнице Хаджи Бекташа, являющейся местом мусульманского паломничества. Потолок и стены гробницы расписаны тонким каллиграфическим геометрическим узором, в котором преобладают яркие красные и зеленые цвета. Подобными красивыми и изящными росписями обычно украшены лишь мавзолеи османских султанов. Сам саркофаг покрыт зеленой тканью, на которой золотыми буквами арабской вязью вышиты тексты из Корана.

Философские воззрения и практическая деятельность Хаджи Бекташа имели огромное значение для формирования единства турецкой нации. Его труды по философии и суфийскому учению до сих пор являются общепризнанными и почитаемыми в турецко-исламском мире. В Европе также есть сторонники ордена Хаджи Бекташа, особенно в Хорватии, Боснии и Албании. Здесь целые районы обращались в бекташизм, близкий к шиизму, протестуя против официальной религии завоевателей (суннитского ислама) [6]. В 1913 году после с провозглашения независимости Албании ее столица Тирана стала мировым центром ордена Бекташийя, где он существовал до закрытия коммунистическим правительством в 1967 году. Впрочем, с 1990 года началось возрождение этого суфийского братства.

Джалалад-дин Руми: «Береги жемчуг, а не раковину»

Другой центр суфизма в Турции связан с именем Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммада Руми (1207–1273). Его часто называют Мевляном или Руми, а также основателем суфийского ордена Мевляви, хотя сам орден возник лишь при его старшем сыне – султане Валаде (1226–1312) [7]. Долгое время Мевлян жил в Конье, и здесь же находится его гробница.

Руми родился в Бактрии – исторической области Средней Азии в районе верхнего и среднего течения Амударьи – в городе Вахш (ныне Туркменистан) в провинции Балха (ныне Афганистан). Его род происходил от Абу Бакра, сподвижника Мухаммада, а отец, придворный богослов и юрист, был связан родством с Хорезмшахами и разделял суфийские воззрения. В 1219 году семья была вынуждена покинуть этот край, которому угрожали монголы, и перебраться в Нишапур в Хорасане, где, возможно, в это же время проживал и Хаджи Бекташ. Здесь маленький Руми, по преданию, познакомился с поэтом-суфием Фаридуддином Аттаром, который подарил мальчику копию своей «Асрар-наме» («Книги тайн»), написанной в стихах. Вскоре монголы подошли к Нишапуру, и 110-летний Аттар был взят в плен и погиб. Семье Руми удалось бежать в Багдад, а затем, совершив паломничество в Мекку, она отправилась на север – в Сирию и Малую Азию, посещая по дороге суфийские центры.

Центральная Азия содрогалась под безжалостными ударами монголов. Казалось, что мусульманская цивилизация доживает последние дни своей почти шестисотлетней истории. В конце концов отец Руми остановился в Карамане, а затем по приглашению сельджукского султана Ала ад-Дина Кей Кубада I семья переехала в Конью.

Несмотря на вынужденные скитания, Руми получил хорошее образование, и в неполные 30 лет знал арабский и персидский языки, теологию, юриспруденцию, логику, философию, математику, историю ислама и комментарии к Корану. В 1244 году его жизнь резко изменилась: он встретил бродячего дервиша Шамсуддина Табризи («Солнце веры из Табриза»), последовательного суфия, взгляды которого клерикальное духовенство считало пантеистическими. Вскоре при невыясненных обстоятельствах погибают сын Руми и Шамсуддин.

Общение с Табризи оказало сильное эмоциональное влияние на Мевляна, вдохновило на создание бессмертных произведений, написанных на персидском языке: поэм «Маснави и Манави», «Фахи ма фихи» и «Диван Шамса Табризи». Поэма Руми «Маснави и Манави» («Духовные двустушия»), будучи лирическим произведением, содержащим до 30 тыс. стихов, написанных в одном размере, одновременно толкует основные положения суфизма. «Фахи ма фихи» («В нем то, что в нем») – сборник высказываний и мыслей Учителя – является своеобразным суфийским учебником. Поэма «Диван Шамса Табризи» – сборник суфийских стихов, расположенных строго по жанрам и в алфавитном порядке рифм (по последним буквам рифмуемых слов). Произведения Руми оказали значительное идейное и духовное влияние на развитие западноевропейской философии и литературы. Достаточно сказать, что менее чем за 100 лет после смерти его произведения приобрели такую известность, что английский поэт Джеффри Чосер уже в конце XIV века ссылался на них в своих произведениях.

Для изложения суфийского миропонимания Руми, как и другие суфии, широко использовал притчи и короткие философские изречения. При этом он подчеркивал, что раскрытие и познание Истины должно быть постепенным: «Огонь печи может оказаться слишком сильным, чтобы воспользоваться его теплом, а более слабое пламя лампы может дать вам именно столько тепла, сколько вам необходимо в данное время». Но человек может оказаться неподготовленным к восприятию новых идей, если на него

продолжают воздействовать собственные предрассудки. Поэтому прежде всего Искателю нужно отказаться от убеждения в том, что он уже понимает что-либо, и пытаться приблизиться к Истине не только при помощи привычного для него логического мышления: «если больной хочет научиться ходить самостоятельно, то он должен отбросить костыли».

Составляющим элементом суфийского мировоззрения является любовь к миру вообще и людям в частности: именно она ведет человека и человечество к совершенству. Но любовь находится в тесной взаимосвязи с озарением, которого суфий может достичь путем духовных упражнений. При этом он не должен отказываться от жизни среди других людей, так как «сокровище, которое вы ищите, может дать вам только она». Поэтому, учил Руми, все суфии должны владеть каким-либо творческим ремеслом и при этом постоянно работать над своим духовным совершенствованием. Здесь, конечно, важен мудрый наставник, но суфизм – это то, что происходит с человеком, а не то, что ему преподносят. При этом каждый человек может добиться определенных успехов в осуществлении своего предназначения, но не нужно основывать свои суждения только на внешних вещах: «нужно помнить о разнице между цветом вина и цветом стакана».

Суфий не должен забывать все составные части саморазвития, иначе простое сосредоточение на чем-либо одном приведет к нарушению равновесия, а, следовательно, к потере. Руми утверждал, что способность к пониманию развивается параллельно духовному прогрессу человека. При этом то, что мы видим, чувствуем и переживаем в обычной жизни, является всего лишь частью великого целого – лишь меньшей частью айсберга, остальную – подводную часть – можно постичь лишь в результате определенных усилий.

Достижение гармонии с целым, продолжал Руми, является чрезвычайно важным на пути к озарению, но озарение «должно приходить постепенно, иначе оно все может разрушить». С помощью различных упражнений ученик развивает в себе способность по-новому видеть вещи, он постигает глубокий смысл советов Учителя, изложенных в притчах, таких, как: «Береги жемчуг, а не раковину. Не в каждой раковине можно найти жемчужину. Гора во много раз больше рубина». То, что может показаться обычному человеку камнем, говорил Руми, для познавшего Истину может оказаться жемчужиной. И если он подходит к работе творчески, то сможет достичь стадии, на которой его иногда будет посещать вдохновение. Тогда подход ко всей жизни и всему творению станет всеобъемлющим.

Хотя Мевляна считают одним из величайших персидских поэтов, поэзия для него самого была лишь средством, с помощью которого он мог связать то, что «реально чувствовал», с тем, что мог сделать для других. Он всегда подчеркивал, что любит людей, и поэтому создает для них стихи, чтобы, читая их, люди могли понять и осмыслить свою жизнь. Его поэзия предназначена для других: «Это единственное угощение, которое могут попробовать мои гости, поэтому я, как добрый хозяин, запасуюсь им». То, что он хотел передать, было выше и тоньше самой изящной поэзии.

Джалаладдин начал полуоткрыто проповедовать свое мистическое учение, когда ему было уже около 40 лет. Он избрал псевдоним «Руми», который согласно суфийской традиции означает «свет». В своей системе обучения он использовал объяснения и интеллектуальные упражнения, размышления и медитации, которые проводились при помощи ритуальных танцев, стихов и музыки. Так появился особый метод духовной практики, призванный помочь Искателю достичь гармонии с мистической реальностью и преобразиться с ее помощью. Вскоре вокруг Руми сложился круг учеников и последователей, получивший название ордена «кружащихся в танце дервишей», так как

последователи Мевляна большое значение придавали музыке и танцу как методам познания Божественной истины.

Суфии ордена считали, что основой человеческого существования является вращение. Все в мире (от атомов до звезд) находится в постоянном вращении, которое идет по спирали, поэтому любая частичка постоянно возвращается в первоначальную точку, но уже в новом качестве. Однако, в отличие от других существ, человек обладает умом и знаниями, и они позволяют ему во время кружения в ритуальном танце постичь скрытый смысл других созданий.

В 1273 году Руми умер: «Птица души освободилась из клетки тела». Дело Мевляна возглавил его друг Хисамуддин Чалабисын, а затем сын султан Валад, который и создал терикат Мевлеви (орден «кружащихся в танце дервишей»). Орден продолжает существовать во многих странах не только Востока, но и Запада, о чем свидетельствует подробная карта, висящая на стене в одном из залов музея, расположенного в стенах обители Мевляна. На ней отмечены страны, в которых и сейчас существуют отделения этого ордена.

На русский язык переведены многие произведения Руми (см., например, [12; 13; 14; 18]). Исследуется его влияние на русскую литературу [10]. К 800-летию рождения поэта вышла и была переведена на русский язык книга Шефик Джана, долгое время бывшего главой братства Мевлеви. В ней автор рассматривает основные темы и проблемы духовных поисков Руми [19].

В данном исследовании остановимся на том, как выглядела Конья в период становления ордена Мевлеви и на современном состоянии обители Руми.

Конья и обитель ордена Мевлеви: краткая история и современное состояние

Конья (Икония) расположена в центральной Анатолии и известна своими духовными традициями. Ей суждено было сыграть центральную роль в истории Румского (Конийского) султаната (1077–1307) (Рум – так называли на Востоке Византийскую империю). Этот султанат стал частью империи «Великих Сельджуков», основанной кочевыми тюркскими племенами, принадлежащими к огузской (туркменской) ветви, во второй половине X века. Постепенно на рубеже XII–XIII вв. сложилось крупное турецкое государство во главе с династией Сельджукидов, господствовавшее на большей части Армянского нагорья и почти во всей Малой Азии. Массовая миграция огузско-туркменских племён привела к изменению этнической и демографической ситуации в этом регионе. Начался процесс складывания турецкой этнической общности, которую объединяла единая религия – ислам суннитского толка.

Все эти события наложили сильный отпечаток на внешний облик города, в котором жил и творил Джалаладдин Руми: наверное, это единственный город в Турции, где сохранилось большое количество памятников сельджукской эпохи. Наибольшего расцвета и политического могущества Румский султанат достиг при султанине Ала ад-Дине Кей Кубаде I (1219–1236), пригласившем семью отца Руми в столицу своего султаната. При дворе султана были собраны известные артисты, религиозные деятели, математики, философы. Этим временем датированы и многие архитектурные памятники города. В то же время развивается резьба по дереву, каллиграфия, ткацкое производство.

Конья наряду с Кесарией и Сивасом представляла собой весьма крупный город: здесь проживало до 200 тыс. чел. Этнический состав населения города, как и всего султаната, был весьма пестрым. Значительную часть жителей составляли перешедшие на оседлый образ жизни турки-огузы. Здесь проживало немало персов – ремесленников, купцов, чиновников. В городе, где когда-то проповедовали апостолы

Павел и Варнава и жили будущие святые великомученица Параскева Пятница и равноапостольная Фекла, оставалось много греков и армян, которые продолжали исповедовать христианство. Из сельджукских турок-огузов и тюркизированных малоазиатских греков, персов и армян начала складываться турецкая народность, и одновременно формировался турецкий язык, в котором использовался арабский алфавит. С самого начала существования культура Сельджукской империи испытывала сильное персидское влияние, особенно на поэзию.

Перефразируя знаменитую фразу, можно сказать, что все улочки древней части современной Коньи ведут на площадь с большим и зеленым сквером, где находится обитель Мевляна. Уже издали между кронами деревьев за каменным забором видна высокая башня с конусообразным куполом необыкновенно яркого бирюзового цвета. Это и есть святилище Мевляна – место, где до начала XX века проводились ритуалы дервишей ордена Мевлеви и где находится могила Руми.

Сейчас обитель ордена является музеем, на территории которого находится мавзолей Мевляна. К входу тянется, кажется, нескончаемый поток мусульманских паломников, в котором как ни странно, преобладают женщины и девушки, отпущенные из дома для выполнения религиозной миссии. Все они одеты в традиционные длинные мусульманские одежды, волосы на голове прикрыты платком. Откуда-то тихо доносятся протяжные звуки нага (флейты). Теперь они будут все время сопровождать путника, осматривающего двор и внешнее убранство обители. Согласно представлению суфиев, это страдающая душа тоскует о потере прародины (Бога), как тоскует по тростнику флейта: она рассталась с ним, превратясь в музыкальный инструмент. В центре двора находится фонтан, с трех сторон от него – жилые помещения дервишей. Само здание ритуального зала с минаретом, ярко бирюзовым цилиндрическим куполом и крышей в форме конуса похоже на мечеть. Сняв обувь, через «Серебряные ворота» можно пройти в коридор, где стоят многочисленные саркофаги учеников и последователей Руми. На некоторых из них нет шапок дервишей ордена: это женские захоронения.

Коридор ведет в зал, расположенный под бирюзовым куполом. Здесь находится могила Мевляна. Около ее ограждения плотной толпой стоят паломники, пришедшие поклониться Учителю. Некоторые из них тихо читают Коран, другие молча стоят на коленях. Помещение богато украшено: стены и внутренние своды купола расписаны золотой арабской вязью – текстами из Корана – и изящным орнаментом (арабесками). Саркофаг покрыт ковром, сотканным из золотых нитей. Слева находится захоронение сына Руми – султана Валада, но его убранство значительно скромнее.

В центре помещения в сундуках и на витринах размещены рукописные Кораны, подсвечники, ковры, музыкальные инструменты, а также тюрбан и мантия Джалаладдина.

Напротив могилы Мевляна находится «Земахане» – место для проведения ритуалов. По периметру большого зала в различных позах группы восковых фигур дервишей в темных плащах и высоких коричневых шапках. Одни из них готовят нехитрую еду, другие обедают, сидя на ковре вокруг круглого стола, третьи неспешно беседуют у окна. Чуть поодаль в белых длинных юбках застыли в ритуальном танце двое мужчин. И кажется, что вот-вот протяжно зазвучит флейта, фигуры оживут, и путник окажется в самом центре неразгаданной тайны «кружащихся дервишей». Еще не так давно (менее 100 лет назад) в этом зале проводилась «Зема» (ритуал «Божественного озарения»).

Заключение

Несомненно, что суфизм как религиозное течение познается только суфийскими (религиозными) методами, а не эмпирическими опытами или логическими доказательствами. Однако очевидно, что это мистическое течение оказало сильное влияние не только на исламскую, но и на европейскую культуру – этику, эстетику, литературу и искусство. До сих пор места духовных подвигов и упокоения основателей и духовных вдохновителей суфийских орденов являются центрами паломничества мусульман, несмотря на расхождения взглядов суфиев и приверженцев традиционного ислама. Не являются исключением и обители орденов Бекташийя и Мевлеви, возникшие в период становления суфизма как важного элемента религиозной жизни мусульманского общества. Взгляды и религиозная практика их эпонимов Хаджи Бекташа Вели и Джалаладдина Руми, а также их учеников и последователей были различны. Но общим было стремление к поиску Божественной истины и воспитание «совершенного человека». Суфийские ордена оказали большое влияние на становление турецкой государственности и национальной общности, на политическую и религиозную жизнь социума.

Литература

1. *Аверьянов Ю.А.* Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийя. – М.: Марджани, 2011. – 664 с.
2. *Акаев В.Х., Солтамурадов М.Д., Газиев В.З.* Суфизм в современном мире: интерпретации, теория и практика // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 1. – С. 29–36.
3. *Акаев В.Х.* Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. – 2-е изд., перераб. и доп. – Грозный: Книжное издательство, 2011. – 208 с.
4. *Акаев В.Х.* Тарикат Накшбандийя в Дагестане и его религиозно-политическая трансформация // Исламоведение. – 2010. – № 3 (5). – С. 95–103.
5. *Бердяев Н.А.* Стилизованное православие (о. Павел Флоренский) // П.А. Флоренский: pro et contra / сост. Исупов К.Г. – СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института (РХГИ), 1996. – 752 с.
6. *Желязкова А.* Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XV–XVIII вв. // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы / отв. ред. С.Ф. Орешкова. – М.: Наука, 1986. – С. 64–72.
7. *Зиёев Х.М.* Суфийский орден мавлавия. – Душанбе: Хумо, 2007. – 276 с.
8. *Кафаров Т.Э.* Этические аспекты суфизма // Исламоведение. – 2011. – № 4. – С. 24–28.
9. *Кныш А.Д.* Учение Ибн ‘Араби в поздней мусульманской традиции / Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1989. – С. 6–19.
10. *Нафисе Насири.* Мотивы «Маснави Манави» Мовлана Джалаледдина Руми в русских книгах для чтения Л.Н. Толстого // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. – 2016. – № 1. – С. 79–83.
11. *Рахматуллин Р.Ю.* Суфийская антропология // Исламоведение. – 2013. – № 1. С. 64–74.
12. Руми // Классическая восточная поэзия: антология / сост., предисл., введение, глоссарий, коммент. Х.Г. Короглы. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 293–319.
13. Руми Джалаладдин. Дорога превращений: суфийские притчи / пер. Д.В. Щедровицкого. – М.: Оклик, 2009. – 380 с.

14. Руми Джалаладдин. Поэма о скрытом смысле: избранные притчи / пер. Н. Гребнева. – М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1986. – 272 с.
15. Цибенко (Иванова) В.В. Накшбандийский тарикат хакканийя (раббанийя) и неосманский проект шейха Назима Киприотского // Исламоведение. – 2014. – № 4. – С. 94–104.
16. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. – М.: Правда, 1990. Т. 1 (I). – 496 с.
17. Ханмурзаев И.И. Великий шейх Ташев-хаджи из Эндирея // Исламоведение. – 2012. – № 1. – С. 104–107.
18. Читтик У.К. Поиск скрытого смысла. – М.: Ладомир 1995. – 542 с.
19. Шефик Джан. Мевляна Джалаледдин Руми – жизнь, личность, мысли. – М.: Диля, 2008. – 432 с.
20. Эрнст К. Суфизм / пер. с англ. А. Горькавого. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 320 с.

References

1. Aver'janov Ju.A. *Hadji Bektashi Veli and the Sufi Bektashi Fraternity*. Moscow. Marrdzhani, 2011. 664 pp. (in Russian)
2. Akaev V.H., Soltamuradov M.D., Gaziev V.Z. Sufism in the Contemporary World: Exegesis, Theory and Practice. *Academic Thought of the Caucasus*. 2017, no. 1, pp. 29–36 (in Russian)
3. Akaev V.H. *Sufi Culture in the North Caucasus: Theoretical and Practical Aspects*. 2-e izd., pererab i dop. Groznyj: Knizhnoe izdatel'stv, 2011. 208 pp. (in Russian)
4. Akaev V.H. The Naqshbandi Order in Dagestan and its Religious and Political Transformation. *Islamovedenie*. 2010, № 3(5), pp. 95–103 (in Russian)
5. Berdjaev N.A. Stylized Orthodoxy (Father Pavel Florensky). *P.A. Florensky: Pro and Contra*. Sost. Isupov K.G. SPb.: Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta (RHGI), 1996. 752 pp. (in Russian)
6. Zheljazkova A. On Some Aspect of the Spread of Islam in Balkan Peninsular in the 15th – 18th Centuries. *The Ottoman Empire: the System of Government, Public, Ethnic and Religious Issues* / otv. red. S.F. Oreshkova. Moscow. Nauka, 1986. Pp. 64–72. (in Russian)
7. Zijoev H.M. *Mavlavi Sufi Order*. Dushanbe. Humo, 2007. – 276 pp. (in Russian)
8. Kafarov T.E. Ethical Aspects of Sufism. *Islamovedenie* 2011, № 4, pp. 24–28 (in Russian)
9. Knysh A.D. Ibn-Arabi Teaching in the Late Muslim Tradition / *Sufism in the Context of Muslim Culture*. Moscow. Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1989, pp. 6–19 (in Russian)
10. Nafise Nasiri. Masnavi Manavi Motifs of Movlan Djalaledin Rumi in the Russian Reading Books by Leo Tolstoy. *Bulletin of the People's Friendship Russian University. Literature Studies and Jpurnalism Series*. 2016, № 1, pp. 79–83 (in Russian)
11. Rahmatullin R.Yu. Sufi Anthropology. *Islamovedenie*. 2013, № 1. pp. 64–74 (in Russian)
12. *Rumi. Classical Oriental Poetry. An Anthology* / Sost., predisl., vvedenie, glossarij, komment. H.G. Korogly. Moscow. Vyssh. shk., 1991. pp. 293–319 (in Russian)
13. Rumi Dzhahaladdin. *The Path of Transformations*. transl. D.V. Shhedrovickogo. Moscow. Oklik, 2009.–380 pp. (in Russian)
14. Rumi Dzhahaladdin. Poem about Hidden Meaning. Transl. Nauma Grebneva. Moscow. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka» 1986. 272 pp. (in Russian)

15. Cibenko (Ivanova) V.V. Hakkaniya (Rabbaniya) Nakshbandi Tariqa and the Neo-Ottoman Project by Sheik Nazim Kipriotsky. *Islamovedenie*. 2014, № 4, pp. 94–104 (in Russian)
16. Florenskij PA. The Pillar and the Asseveration of the Truth. Moscow. Pravda, 1990. Vol. 1(I). 496 pp. (in Russian)
17. Hanmurzaev I.I. The Great Sheik Tashev-Hadji from Endirey. *Islamovedenie*. 2012, № 1, P. 104–107 (in Russian)
18. Chittik U. K. The Search for a Hidden Meaning. Moscow. Ladamir 1995. 542 pp. (in Russian)
19. Shefik Dzhan. *Movlan Djalaaladdin Rumi – Life, Personality, Ideas*. Moscow. Dilja, 2008. 432pp. (in Russian)
20. Jernst K. *Sufism*. Per. s ang. A. Gor'kavogo. Moscow. FAIR-PRESS, 2002. 320 pp. (in Russian)